

Чжао Юшэн понимал, что Чэнь Дуаньли, конечно, мог бы заставить братьев Цинь покинуть школу, но он явно решил, что Чэнь Юй будет учиться дома. Найти хорошего учителя и уделить внимание образованию Чэнь Юя было лучше, чем отправлять его в школу.

— Я слышал, что Ашэн несколько дней провёл в зале самоосуждения... — Чэнь Юй заговорил о том, что его беспокоило.

Он слышал, что это за место, и Чжао Юшэн раньше упоминал, что его туда отправляли за драку с учениками в школе императорского клана. Потомки императорского рода, независимо от возраста и того, учатся ли они в школе, за проступки, которые не требуют заключения, но заслуживают наказания, могут быть отправлены в зал самоосуждения для размышлений.

Лицо Чэнь Юя было освещено оранжевым светом фонаря, на нём была печаль. Он винил себя за то, что один пошёл к пруду Превращения в карпа посмотреть на белых карпов. Отец часто напоминал ему, что рядом с ним должен быть кто-то. Ашэн из-за него подрался с братьями Цинь и был отправлен в зал самоосуждения.

— Учитель школы императорского клана наказал меня на шесть дней, но я провёл там только пять. Это просто время, проведённое в одиночестве, в комнате для размышлений, ничего страшного, — Чжао Юшэн говорил это безразлично, и действительно, это было лишь временное неудобство.

Несмотря на это, Чэнь Юй всё равно был расстроен. Это было не просто наказание в виде заточения, Ашэн теперь уезжал с отцом в уезд Нин. После этого вечера он больше не будет рядом. В следующий раз, когда он пойдёт по Почтовой улице в сторону Двора Муцзун, к дому Ашэна, он не найдёт его. Если бы он раньше мог попросить отца Чжао оставить Ашэна, не увозить его, Чэнь Юй знал, что это было бы бесполезно.

Чэнь Юй опустил голову, глядя на их отражения в воде. В четырнадцать лет у него возникло желание, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась, и чтобы это знакомое отражение всегда было рядом.

Чжао Юшэн заметил изменение настроения Чэнь Юя, даже если тот молчал, он понимал его.

— Холодно, пойдём обратно, — Чжао Юшэн поднял руку, сняв фонарь с колонны.

— Хорошо, — ответил Чэнь Юй.

Ветер шумел в ушах, листья шелестели. Фонарь был в руке Чжао Юшэна, а рядом с ним шёл Чэнь Юй. Длинная извилистая галерея скрылась за ними в темноте.

В спальне Мо Юй уже разожгла жаровню, приготовила горячий суп и фруктовые лепёшки.

Чэнь Юй попросил Мо Юй принести у Ши коробочку с жемчужным порошком для лечения

ран, чтобы использовать его для Чжао Юшэна. Чжао Юшэн сказал, что у него есть свой, но Чэнь Юй настаивал, что этот порошок был подарен другом отца из Цюнчжоу и был намного лучше того, что можно было купить на месте.

Мо Юй быстро вернулась, принесла маленькую коробочку с жемчужным порошком, которую передала Чэнь Юю. Чэнь Юй настоял на том, чтобы посмотреть на рану на плече Чжао Юшэна, и тому пришлось расстегнуть одежду.

Чжао Юшэн лишь ослабил воротник и спустил один рукав, обнажив правое плечо, на котором был явный синяк, след от удара линейкой.

Чэнь Юй внимательно смотрел, не решаясь прикоснуться, боясь причинить боль.

— Господин Чжао ударил так сильно, — Мо Юй подошла поближе, взглянула и покачала головой. Будучи отцом, она никогда не видела, чтобы Чэнь Дуаньли бил Чэнь Юя, даже не ругал.

Чэнь Юй кивнул, тоже считая, что отец Чжао был слишком жесток, раз так ударил Ашэна.

— Ашэн, это та рука, которую Цинь Да повредил? — Чэнь Юй помнил, что у Ашэна уже была травма руки, когда Цинь Да ударил его палкой.

— Нет, она уже зажила, — Чжао Юшэн быстро поднял рукав левой руки, показав Чэнь Юю, и снова опустил его.

Чжао Юшэн сам нанёс порошок на рану на плече, делая это небрежно. Он считал, что это вообще не нужно, синяк сам пройдёт через пару дней, но нанёс порошок, чтобы успокоить Чэнь Юя.

Чжао Юшэн закончил с порошком, быстро надел одежду, поправил воротник и завязал пояс. В этот момент рука Чэнь Юя легла на его талию, и Чжао Юшэн схватил его руку, собираясь убрать её, но заметил, что Мо Юй смотрит на них широко раскрытыми глазами.

Сестра Мо Юй, вероятно, что-то неправильно поняла.

Чжао Юшэн отпустил руку, а Чэнь Юй, ничего не подозревая, наклонился, чтобы поправить пояс Чжао Юшэна, почти обнимая его за талию, их спины соприкоснулись.

Чэнь Юй просто чувствовал себя виноватым за то, что его друг пострадал из-за него, и, учитывая их давнюю близость, это было естественно, без каких-либо других мыслей.

Чжао Юшэн попросил у отца разрешения прийти в дом Чэнь Юя, чтобы попрощаться, но не мог оставаться слишком долго. Он оделся и встал, чтобы уйти. Чэнь Юй проводил его до ворот,

наблюдая, как тот садится на лошадь. У ворот дул сильный ветер, развевая одежду.

Чжао Юшэн обернулся, глядя на Чэнь Юя под фонарём у ворот. Тонкий, одинокий, он смотрел на него, его одежда развевалась на ветру, волосы растрёпались, он выглядел потерянным и грустным. Чжао Юшэн внезапно вспомнил, как семилетний Чэнь Юй прощался с ним в порту Гуанчжоу. Корабль отплывал, а Чэнь Юй стоял на палубе, глядя на Чжао Юшэна, который махал ему с пристани, словно вот-вот заплачет.

Фонарь У Чу освещал путь в темноте. Чжао Юшэн не оглядывался, он ушёл далеко, когда, казалось, услышал тихий голос:

— Ашэн.

Он обернулся, но увидел только пустую, тёмную улицу.

Человек перед ним уже ушёл, его фигура исчезла в ночи, даже звук копыт больше не слышался. Чэнь Юй потрогал своё лицо, окоченевшее от холодного ветра, и, опустив голову, пошёл обратно. Он услышал, как внутренний слуга Пань Шунь торопил его войти, чтобы не простудиться.

Возвращаясь в спальню, идя по галерее, Чэнь Юй увидел свою одинокую тень на земле. Он замер, потянулся к пустой стороне, но рядом никого не было. Мо Юй шла впереди с фонарём, удивлённо глядя на его странное поведение.

Поля зеленели, на юге климат был тёплым, не было и намёка на зиму. С одной стороны был проложен канал, сверху уложены новые каменные плиты, по которым ходили работающие крестьяне. Один из них нёс мотыгу, ведя за собой быка, и, остановившись на мосту, смотрел вперёд. Его жена и дети спрашивали, на что он смотрит, и он указывал рукой:

— Смотрите, это господин.

Уездный начальник Чжао Шимянь в сопровождении нескольких человек беседовал с пожилым учёным. Они говорили о засухе летом, когда посевы желтели, и о том, как после строительства канала вода из реки помогла крестьянам избежать драк за орошение, которые превращали деревни в заклятых врагов. Учёный, держа одну руку за спину, чувствовал ветер, несущий запах пшеницы, и хвалил:

— Ваше превосходительство, вы решили проблему с водой и успокоили людей, это двойная польза, жители уезда Нин счастливы.

— Если бы не помощь господина Саньси, который убедил местных богачей и купцов пожертвовать средства, строительство канала заняло бы три-пять лет. Заслуга в этом больше принадлежит вам, — сказал Чжао Шимянь, поклонившись. Несмотря на свою грубую внешность, он был человеком, уважающим мудрецов.

Господин Саньси с удовольствием погладил бороду. Он заботился о благополучии людей и был

рад, что смог помочь.

Чжао Юшэн стоял рядом, глядя на аккуратные поля и холмы, облака, собиравшиеся над горами, и чувствовал себя свободным и радостным, что было редкостью в Цюаньчэне. Хотя вокруг было много крестьян, любопытствующих, Чжао Юшэн не терял настроения, но заметил, что их становилось всё больше, а отец и господин Саньси продолжали беседовать. Крестьяне знали отца Чжао и господина Саньси, но этот молодой человек с изысканной внешностью вызывал у них любопытство, они указывали на него и обсуждали, кто это.

Слуга Цянь У с гордостью представил крестьянам, что это сын уездного начальника, и предупредил, что нельзя трогать его одежду и подходить слишком близко.

Крестьяне, загорелые и грубые, в поношенной одежде, увидев такого благородного горожанина, да ещё и сына их уездного начальника, стали ещё более любопытными. Они окружили Чжао Юшэна, как на рынке, даже крестьянки подошли ближе, смело разглядывая этого красивого молодого человека.

Чжао Юшэн оставался спокойным, позволяя им смотреть на себя, сам же смотрел на пейзаж. Разговор отца и господина Саньси закончился, и, подняв голову, они с удивлением увидели толпу людей вокруг. Они велели слугам разогнать крестьян.

Лучше занимайтесь работой, не увлекайтесь сплетнями, чтобы не пренебрегать сельским хозяйством.

Отец Чжао увел сына, а господин Саньси, которого он пригласил, пошёл с ними.

<http://bllate.org/book/15279/1348812>